
Часть первая

*Невидимое зло всего
тревожней.*

Публий Сир

Глава 1

Обожаю конец апреля! Птицы разноголосно празднуют возвращение тепла, потрескивают почки под напором свернутых в тугие жгутики молоденьких листьев, а вместо унылого шарканья плоских зимних подошв по ледяной коросте по тротуарам начинают весело постукивать каблучки...

Я прикрыла глаза, подставляя лицо под щедрую ласку солнечных лучей, бьющих в окно. В маленьком кафе на углу пахло свежемолотым кофе и ванилью. За стойкой басовито гудел, подпевая негромкой музыке, какой-то аппарат. Бармен Денис непрерывно писал эсэмэски, его айфон стрекотал, как обезумевший кузнечик, пытаюсь угнаться за проворными пальцами хозяина. Мне было хорошо за привычным столиком у окна — тепло, уютно, спокойно. Я выбиралась сюда не реже трех раз в неделю в любую погоду просто посидеть, выпить чашечку кофе и отдохнуть после утренней прогулки в парке.

Дверь распахнулась слишком резко, до упора, так, что затейливый железный вензель на ручке с хрустом

ударился о стену. Вломившийся в кафе человек тяжело, с присвистом дыша, проскочил мимо меня и рывкнул Денису:

— Запасной выход есть? Где?

— Чего? — начал было возмущенный Денис, но дверь распахнулась снова и в маленьком помещении дважды бахнуло так, что у меня зазвенело в ушах.

Но даже сквозь звон было слышно, как тяжело рухнул первый посетитель, как, жалобно звеня, посыпалась за стойкой посуда, которую снес собой падающий Денис. Я не могла увидеть стрелка, но точно знала, что теперь оружие направлено на меня — мерзкий холодок пополз по спине. Судорожно потянувшись к спинке свободного стула, куда обычно прислоняла трость, я неловко зацепила ее трясущимися руками, и легкая алюминиевая трубка с дребезгом заплясала по стыкам мраморных плит. Совершенно не соображая, что делаю, я сползла на пол и зашарила по нему руками, униженно, суетливо и очень, очень беззащитно.

Он все не стрелял. Пауза, занимавшая в реальном времени секунды, для меня растянулась в мучительную бесконечность. Я водила трясущимися руками по холодным плитам, словно обретение трости могло каким-то магическим образом остановить неизбежное.

— Слепая, что ли? — голос стрелявшего, низкий, грубый, я расслышала, словно сквозь вату.

В мозгу полыхала паника, подкрепленная пороховой гарью и жутким, ни на что не похожим запахом крови, таким тошнотворно-приторным, что у меня сжался желудок. Вот так, на прицеле, в коленно-локтевой, из меня и вывернулся только что выпитый кофе вместе со свежим рогаликом. А нависший надо мной убийца хрипло хмыкнул, коротко хохотнул и... исчез, аккуратно притворив обе двери, внутреннюю и наружную.

«...одиночество — сука!» — яростно сообщила Слава под последние аккорды песни. Тихим баском подгудел ей автомат за стойкой. Отрезанная от внешнего мира толстыми стеклами витрины и двойными дверьми трагедия, разыгравшаяся в крохотном зале кафе «Уют», не привлекла к себе никакого внимания. Я сидела, пытаюсь унять дрожь. Колени больно упирались в неровный пол. Нужно было что-то делать, куда-то бежать, звать на помощь, но пошевелиться не получалось. В тот момент мне казалось, что стоит сделать хоть что-нибудь, и произошедшее станет необратимой реальностью, а пока я не шевелюсь — все может еще каким-то образом исчезнуть, отмотаться назад. Это был шок, разумеется. И он прошел.

— Один-один-два, — прохрипела я голосовой набор, — кафе «Уют» на Варшавской. Здесь стреляли, два человека ранены... или убиты.

Девушка-оператор принялась о чем-то спрашивать заученной скороговоркой, но я, не слушая, оборвала звонок, пытаюсь уловить звук дыхания, стон, хрипы — хоть что-нибудь. Но ничего, кроме негромкой музыки и шмелиного гудения неизвестного аппарата, не нарушало тишину. Стрелок не промахнулся. Вцепившись в трость двумя руками, стараясь не вляпаться в собственную блевотину, я тяжело, по-старушечьи, поднялась на ноги. В нескольких шагах от меня лежал мертвый незнакомец, а за стойкой — Денис, которого я знала почти два года...

Я сделала всего один неуверенный шаг и замерла. Мне почудилось движение впереди. Ничего конкретного, просто ток воздуха, легкий ветерок, которому здесь было неоткуда взяться — кондиционера в «Уюте» не было. К трясущимся рукам добавились и ноги — колени странно ослабели и мелко, противно задрожали. Продолжая напряженно вслушиваться, я сунула руку

в карман и вцепилась в телефон, как будто пластиковая коробочка могла помочь избавиться от ужаса, пронзившего позвоночник ледяной стрелой. Шок и страх не позволяли мыслить трезво. Как там учил меня профессор Лазарчук?

«Сконцентрируйся, Светочка, сосредоточься...»

Слепо таращась во тьму перед глазами, я почти перестала дышать. В маленьком зале определенно был кто-то еще, кроме меня и двух мертвецов. Он не издавал звуков, но я была абсолютно уверена, что он сейчас находится над телом незнакомца и совершает быстрые, короткие рывки. Воздух вокруг загустел, словно превратился в кисель, и в этом киселе расходились тяжелые волны чужих движений. Кто-то заставлял кисель колыхаться, становиться еще гуще вокруг себя, словно выдавливал, спрессовывал его своим присутствием.

— К-кто т-тут? — заикаясь от испуга, пискнула я и не узнала собственный голос.

Чужак замер на миг и продолжил свое занятие, резко ускорившись.

— Эй! — Я подняла алюминиевую трость, внезапно потяжелевшую до чугунной, и неуклюже взмахнула перед собой.

Чужак беззвучно дернулся и плавно переметнулся, перетек, соскользнул за стойку, к Денису.

Ну, нет! Все еще не понимая, кто и как мог оказаться в кафе, кроме нас троих, я пошла вперед. Позволить ему обшаривать тело Дениса я не могла! Где же проклятая полиция?

Дойти до стойки не успела. Оставалось два последних шага, но пропал всякий смысл их делать — внезапно чужак исчез. Пропал. Растворился в воздухе. Только что был — и вот его уже не стало. Вместе с ним исчезло гнетущее ощущение холода в позвоночнике и густоты окружающего пространства. Я растерянно застыла по-

среди зала, слушая далекий вой полицейской сирены. Медленно-медленно до меня начала доходить пугающая правда. В кафе никто не входил. Исчезнувший вовсе не был человеком. Что бы он из себя не представлял, никакого отношения к людям не имел. Не дышал. Не издавал ни единого звука — я расслышала бы и стук сердца, не говоря уже о шагах. Передвигался по воздуху, и вообще — теперь казался мне совершенно бесплотным. Я попятилась и, поскользнувшись, неловко приземлилась на край отставленного стула. В таком виде меня и нашли ворвавшиеся в кафе полицейские.

— Светлана Петровна, вы меня слышите?

Я очнулась и поднесла к губам стакан с водой. Зубы стукнули о стеклянный ободок, тонкая струйка скользнула по подбородку ледяной змеей. Вокруг топотали и переговаривались люди. Щелкал фотоаппарат, шуршала бумага и полиэтилен, какой-то Василий все не мог отыскать вторую гильзу и, негромко чертыхаясь, по пятому кругу побрел вокруг стойки, а этот настырный капитан «Как-его-там» продолжал задавать мне одни и те же вопросы.

— Слышу. Она с правой стороны от стойки, наверное, укатилась под дверь в туалет, — устало сообщила я капитану.

— Что?

— Гильза. Я слышала, куда она поскакала. Маленькая железка. Сразу после выстрела.

Капитан озадаченно помолчал. Я ощущала на лице его взгляд. Скорее всего, он был недоверчивым.

— Василий, в туалете смотрел?

— Нет. Как она могла туда... — Василий затопал к узкой двери в самом углу зала. — Вот черт! Точно! Здесь она, милая моя.

— Та-ак, Светлана Петровна... — протянул капитан.

Я вздохнула. Из слепой, перепуганной насмерть и бесполезной для следствия идиотки я превратилась для него в ценного свидетеля. Сама виновата.

— Продолжим. Вы утверждаете, что нападавший был один, жертву не окликал, а вторая жертва, бармен Иванцов, был убит как свидетель преступления. Тогда почему же он не пристрелил и вас, Светлана Петровна?

Мы сидели за столиком давно. Сначала в кафе появились полиция и «скорая», и только потом приехали следователь и еще какие-то люди. Я отчаянно хотела домой, чтобы забраться с головой под одеяло и не чувствовать с каждым вдохом запах крови. Не думать, как быстро и необратимо холодеют тела незнакомца и несчастного Дениса Иванцова, которые упаковывали в хрустящие пластиковые мешки за моей спиной.

— Спросите его, когда поймаете, — устало ответила я дотошному капитану.

От него пахло табачным дымом, не слишком свежей одеждой, слабо — дешевым мужским парфюмом. Неустроенностью в личной жизни от него пахло. Он был небрит и часто тер щетинистый подбородок, а я слышала сухое похрустывание отросших волосков. Не стоило мне, конечно, ему грубить, но я так устала...

— Спрошу. Но сейчас я спрашиваю вас.

— Не знаю. Он увидел, как я ползаю по полу за своей тростью, и рассмеялся. Ему это показалось забавным. Он не боялся наказания, капитан. Он был более чем спокоен. А вот убитый был напуган очень сильно. У страха есть запах, знаете? Здесь до сих пор пахнет страхом.

Я не стала сообщать, что половина этого запаха — моя. Прежде чем заберусь под одеяло, следует сходить в душ и смыть с себя эту липкую, душную тяжесть.

— Хорошо. Что вы еще запомнили об убийце?

— Ничего. Сейчас я не могу вам сказать больше ничего.

Я едва шевелила языком. В голове тоненько звенела пустота. Все чувства, даже раздражение на вьедливого капитана, покинули меня разом. Не в силах больше удерживать невидящий взгляд на собеседнике, я закрыла глаза.

— У меня там дочь! Она инвалид, пропустите немедленно!

Моя мама с полицией церемониться не стала. Она прорвалась через охрану и влетела в кафе маленьким, но мощным ураганом.

— Доченька!.. — Это мне. — Как вам не стыдно! — Это — капитану. — Боже мой, вы держите ее здесь, среди трупов, как преступницу! Да как такое возможно? Вы что, совсем не понимаете ничего, да? Ну, я вам устрою! Света, вставай! — снова мне. — Мы уходим немедленно!

Оторопевший капитан еще только пытался вставить слово в гневную тираду моей мамы, а я уже оказалась поднята на ноги сухими маленькими, но сильными мамиными руками, мне была вручена трость и задано направление движения — она развернула меня к дверям, как будто я сама не смогла бы найти выход.

— Ребенок — инвалид! Как вы смеете издеваться!..

— Ваша дочь — свидетель двойного убийства. Пока — свидетель. И она не ребенок, ей двадцать четыре года, а инвалидность нужно еще подтвердить, — пришел в себя капитан.

«Напрасно...» — успела подумать я до того, как маленький вулкан — моя мамочка — взорвался, затопив кафе волнами праведного материнского гнева.

Она вырастила меня одна. Когда я заболела, мама бросила все и целый год посвятила тому, чтобы я смогла увидеть и запомнить как можно больше. Она возила меня к морю, водила по музеям, мы ездили в тайгу и в ара-

вийскую пустыню, встречали восход на краю земли во Владивостоке и кормили зверей в зоопарке Джеральда Даррелла на Темзе. Отец не выдержал, когда ради этих поездок она решила продать большую квартиру своих родителей в центре и перебраться в хрущевскую двушку здесь, у черта на рогах. Он нас бросил.

Я начала слепнуть в семь лет. К девяти уже не различала границ света и тени. Сколь угодно яркого света, хоть прожектор в глаза направь. В одиннадцать слышала, как по полу бежит таракан. В двенадцать могла прихлопнуть его, не промазав, но никогда этого не делала — таракан тоже жить хочет, между прочим! Обоняние обострилось чуть позже, так же, как и умение выделять нужные звуки из навязчивой какофонии окружающего мира. Такая компенсация вовсе не редкость, скорее, норма, просто в моем случае оставшиеся чувства обострились настолько, что однажды мама привела к нам профессора Лазарчука. Она была уверена, что у меня открылся особенный дар. Я же была уверена, что Лазарчук — садист и шарлатан. Фанатик помешанный. Профессор поначалу согласился с мамой и с энтузиазмом взялся за меня, а потом я его разочаровала. Никаких особенных способностей у меня не оказалось.

Глава 2

Остаток дня почти не отложился в памяти, но и наутро легче не стало. Я позавтракала и ускользнула к себе, а мама, против обыкновения, не стала тормозить меня расспросами. Свернувшись калачиком под тяжелым китайским пледом, я с горечью размышляла о том, что профессор Лазарчук оказался прав: там, где он пытался с помощью таких, как я, отыскать присутствие чего-то необычного, невидимого приборам и органам чувств

обычного человека, что-то действительно было. И это что-то явно интересовалось мертвецами.

Поджав колени к самому подбородку и часто дыша, я пыталась справиться с внезапным ознобом.

— Нет. Не сегодня. У вас совесть есть, вообще?..

Мама старалась возмущаться негромко, но я все равно прекрасно ее слышала. И даже слышала низкий роко-чущий басок собеседника, что-то втолковывающего ей в трубку. Неожиданно мама сдалась:

— Хорошо, я спрошу.

Она тихонько приоткрыла дверь в мою комнату.

— Светочка, ты спишь?

— Нет.

Высовывать голову из уютного и безопасного под-пледного мирка не хотелось.

— Представляешь? Этот капитан Дежин мне сейчас угрожал! Он настаивает на разговоре с тобой. Заявил, что может привезти тебя на допрос в следственный комитет под конвоем! Пришлось разрешить ему заехать к нам, я только не сказала когда.

Переубедить мою маму?! Я вынырнула из-под пледа. Воздух в комнате был прохладным и свежим. За окном весело распевала какая-то пичуга. Жизнь продолжалась.

— Да пусть приходит когда хочет, мам. Все равно ведь не отстанет. Работа у него такая, — обреченно согласилась я и спустила ноги на пол.

Под пледом можно было спрятаться от чего угодно, но только не от себя самой.

— Добрый день, Светлана Петровна.

Сегодня капитана окружал целый букет противоре-чивых ароматов. Свежая рубашка, остро пропитанная запахом стирального порошка — я едва не чихнула, — так и не смогла до конца замаскировать унылую вонь

табачного дыма и отчего-то — железа, которая шла от затасканного свитера. Шерстяного. Шерсть и хлопок я распознавала безошибочно. Капитан побрился, и запах лосьона смешивался с кофейным ароматом. Судя по отчаянной попытке сдержать зевок, он мало спал и много курил прошедшей ночью.

Я задержалась с ответом всего на несколько секунд:

— Здравствуйте, капитан! Простите, не запомнила вашего имени.

— Максим Сергеевич. Не извиняйтесь, я вам его не называл.

Капитан сел к столу. Старый и полукруглый, огрызок бабушкиного обеденного, он примыкал к подоконнику с тех самых пор, когда мама еще не доверяла моим способностям ориентироваться в пространстве и старательно оберегала меня ото всего, что имело острые углы.

Капитан не спешил начинать свой допрос, оглядывая комнату. Было слышно, как поскрипывает под ним стул, как хрустнул позвонок в шее. Что он медлит? Не знает, с чего начать? Странно, вчера он не показался мне деликатным.

— Тамара Георгиевна прислала мне подтверждение вашей инвалидности.

Я хмыкнула. Мама даром времени не теряла.

— Мы обязаны рассматривать все версии, в том числе и ту, в которой вы стали бы подозреваемой, понимаете?

— Конечно-конечно, — кивнула я, самым нахальным образом уставившись ему в лицо.

Люди дышат. Чаще всего — носом. Я слышу и просто поднимаю глаза чуть выше. Это сбивает с толку, ведь мои глаза выглядят вполне привычно: не запали, не высохли, не затянулись бельмами — обычные серые глаза с черной точечкой зрачка. Многие ли способны заметить, что он неподвижен? Посторонний человек запросто мог обмануться, если не знал, что я слепа как крот,

хотя на тренировку этого умения и ушли годы. Когда-то мне было очень важно казаться такой же, как все.

Если мне и удалось его смутить, то он этого никак не проявил, продолжив тем же тоном:

— Вчера мне показалось, что вы могли бы что-то сказать о стрелке, но были не в состоянии этого сделать. Вам уже лучше?

Ежику понятно, что никакого беспокойства о моем здоровье, душевном или физическом, капитан не испытывал. Его грызли досада, усталость и нетерпение. Где-то разгуливал наглый убийца, а единственный свидетель преступления оказался инвалидом по зрению! Ничего этого он, конечно, не сказал, но я кожей ощущала его настроение, что было довольно странно. Хорошо знакомых людей я могу читать, как книгу, безо всяких усилий, но Максима Сергеевича Дежина встретила только вчера.

— Со мной все хорошо, в отличие от Дениса. Я хотела бы вам помочь, но чем?

Он замялся ровно на секунду.

— Не знаю, каким вы воспринимаете окружающий мир, но фокус с гильзой меня впечатлил. Что-то же вы могли заметить, Светлана Петровна? Дайте преступнику характеристику, какую сумеете.

Теперь пришла моя очередь замяться. Я половину ночи перебирала вчерашнее в памяти. Пришлось с сожалением признаться:

— Я заметила не так много, как могла бы. Убитый, тот, второй, не Денис, влетел в кафе неожиданно, отвлек мое внимание, и я плохо запомнила появление стрелка. Крупный мужчина. Рост выше среднего. Тяжелый шаг, значит, полноват. А может, накачанный, не могу сказать. Двигается ловко, быстро. Он стоял надо мной с минутой, значит, не спешил и не боялся быть пойманным. Знаете, — вздрогнула от воспоминания, — он меня рассматривал, как... насекомое. Хладнокровный человек.